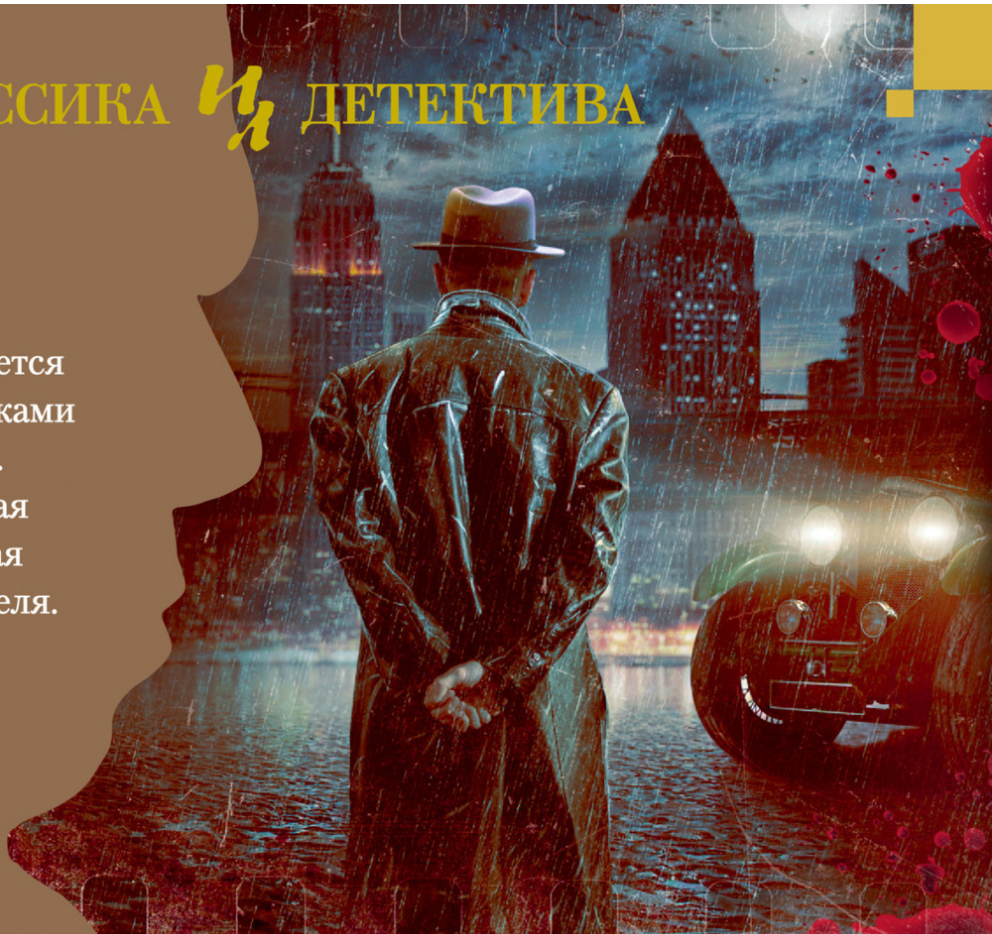

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Окончательный
ВЫВОД

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Окончательный вывод

«Азбука-Аттикус»

1961

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Окончательный вывод / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1961 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-21585-6

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. «— Представьтесь, будьте так любезны, — попросил я исключительно из вежливости. Ее фотография попадалась мне в газетах и журналах добрый десяток раз, да и вживую я видел ее во «Фламинго» и других подобных местах по всему городу, так что, когда я пошел открывать и посмотрел сквозь одностороннюю стеклянную панель в двери, узнал сразу, хотя она и не была на сей раз изысканно одета. В ее сшитом на заказ коричневом костюме, меховой накидке и в плоской, как блин, шляпке за сто долларов не было ничего безвкусного, а круглое белое лицо, слишком белое при дневном свете, вполне могло привлечь внимание в зале ресторана или в фойе театра. Однако сейчас она выглядела осунувшейся, а глаза покраснели и опухли...»

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21585-6

© Стаут Р. Т., 1961
© Азбука-Аттикус, 1961

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рекс Стаут

Окончательный вывод

Rex Stout

THE FINAL DEDUCTION

Copyright © 1961 by Rex Stout

© К. М. Королев, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

– Представьтесь, будьте так любезны, – попросил я исключительно из вежливости.

Ее фотография попадалась мне в газетах и журналах добрый десяток раз, да и вживую я видел ее во «Фламинго» и других подобных местах по всему городу, так что, когда я пошел открывать и посмотрел сквозь одностороннюю стеклянную панель в двери, узнал сразу, хотя она и не была на сей раз изысканно одета. В ее сшитом на заказ коричневом костюме, меховой накидке и в плоской, как блин, шляпке за сто долларов не было ничего безвкусного, а круглое белое лицо, слишком белое при дневном свете, вполне могло привлечь внимание в зале ресторана или в фойе театра. Однако сейчас она выглядела осунувшейся, а глаза покраснели и опухли.

– Я не... – с запинкой выдавила она, замолчала, затем попыталась снова: – Вы же Арчи Гудвин, верно?

– А вы Алтея Вейл, – кивнул я. – Поскольку вам не назначено, мне придется доложить мистеру Вулфу, по какому делу вы хотите его видеть.

– Я предпочту рассказать сама. Это крайне конфиденциально и не терпит отлагательств.

Настаивать на своем я не стал. Покрутитесь с мое, всякого наслушаетесь, и правды, и вымысла, а потому я приблизительно догадывался, что именно привело к нам эту гостью. Если моя догадка верна, то я с удовольствием посмотрю, как Вулф, услышав ее объяснения, будет ей отказывать. Короче, я впустил ее. Обычно тех, кто являлся без приглашения, мы оставляли маяться на крыльце, пока я сообщал Вулфу о посетителе, но исключения, разумеется, бывали, и в этот мокрый и ветреный день в конце апреля я провел гостью в гостиную – первая дверь слева, а сам вернулся в прихожую и через вторую дверь слева вошел в кабинет.

Вулф стоял у огромного глобуса, пристально его разглядывая. Когда я уходил, чтобы узнать, кто к нам пожаловал, он рассматривал Кубу, но теперь его взгляд был устремлен на Лаос.

– Женщина, – произнес я.

– Нет, – отозвался он, продолжая изучать Лаос.

– Согласен. Но она говорит, что дело срочное и конфиденциальное, а сама из тех, кто выложит шестизначную сумму не моргнув глазом. Ее зовут Алтея Вейл. Или миссис Джимми Вейл. С вашим-то пристрастием к газетам вы должны знать, что даже в «Таймс» его именуют просто Джимми. Глаза у нее красные, должно быть, много плакала, но в остальном держится спокойно. Вряд ли примется скандалить...

– Нет!

– Я впустил ее в дом, погода на улице скверная. Она в гостиной. Насчет нее ходит достаточно слухов, и она точно в состоянии оплатить солидный гонорар.

– Проклятье! – повернувшись ко мне, прорычал Вулф.

Он шумно втянул ноздрями целый бушель воздуха, выдохнул через рот, затем направился к столу и встал возле своего громадного кресла. Этакая гора плоти. Вообще-то, он редко поднимается навстречу посетителю, будь то мужчина или женщина, но теперь, раз уж все равно не успел сесть, ему не составило труда проявить толику вежливости. Я открыл дверь в гостиную, пригласил миссис Вейл заходить, представил ее Вулфу и препроводил к красному кожаному креслу перед столом Вулфа. Она уселась, небрежно скинула меховую накидку, и та упала бы на пол, не прояви я сноровку. Вулф опустил свои 285 фунтов в собственное кресло и хмуро уставился на гостью. Так он смотрел на всех, а в особенности на женщин, кто смеет вторгаться незванным в старый особняк из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице и требовать от него услуг сыщика.

Алтея Вейл положила сумочку из коричневой кожи на столик у кресла.

– Сначала я расскажу вам, как добиралась сюда.

– Пустое, – проворчал Вулф.

– Вовсе нет, – возразила она хрипло и поспешила прокашляться. – Вы сами поймете, когда я расскажу. Но прежде всего хочу настоятельно уточнить, что сказанное должно остаться сугубо между нами. Я знаю, кто вы такой, знаю вашу репутацию, иначе не пришла бы сюда, но мне необходимо удостовериться, что тайна будет соблюдена. Конечно, я выпишу вам чек в качестве задатка. Возможно, это следует сделать прямо сейчас. – Она потянулась за сумкой. – Десять тысяч долларов вас устроит?

Вулф фыркнул:

– Мадам, если вы наслышаны обо мне, то должны сознавать всю нелепость своего предложения. Хотите меня нанять? Так изложите суть дела. Если я соглашусь, мы обсудим задаток. А что касается тайн, ничто из сказанного вами, заверяю, не будет предано гласности, если речь не идет о преступлении. В последнем случае я, как примерный гражданин и как лицензированный частный детектив, обязан поставить власти в известность. Это я заявляю также от имени мистера Гудвина, который работает на меня и который...

– Речь именно о преступлении. Ведь похищение – это преступление.

– Совершенно верно.

– Но властям ничего знать не нужно.

Мои брови взлетели вверх. Сидя за своим столом и повернувшись так, чтобы видеть лицо гостя, я отбросил свою первоначальную догадку. По всей видимости, сегодня мне не суждено увидеть, с какой физиономией Вулф выслушивает просьбу проследить за неверным мужем и величаво изрекает отказ.

– Безусловно, похищение – дело особое, – сказал он. – Обязательство уведомлять власти порой уступает прочим соображениям, например потребности спасти чью-то жизнь. Ваш случай из таких?

– Да.

– Тогда можете на меня положиться. Пустопорожних обещаний мы не даем, но глупцами нас не назовешь. Полагаю, вас предупредили никому не рассказывать о ваших затруднениях?

– Да.

– Значит, я действительно ошибся. Рассказывайте, как вы добирались сюда. Итак?

– Я позвонила своей приятельнице Хелен Блаунт. У нее апартаменты на Семьдесят пятой улице, и с ней вдвоем мы все провернули. Главный вход в ее дом расположен на Семьдесят пятой, а вот служебный – на Семьдесят четвертой. Я позвонила Хелен в половине одиннадцатого, потом велела своему шоферу подогнать машину к половине двенадцатого, вышла в назначенный срок и попросила отвезти меня к Хелен. Оглядываться и выяснять, не следит ли кто-нибудь за мной, я не отважилась, чтобы шофер ничего не заподозрил. Когда мы приехали, я вошла в здание – швейцары меня знают, – спустилась на цокольный этаж и вышла через служебный вход на Семьдесят четвертую, где меня уже ждала Хелен Блаунт в своей машине. Она и привезла меня сюда. Думаю, никто не догадался, что я отправилась к Ниро Вулфу. Согласны?

Вулф повернулся ко мне:

– Арчи?

– Звучит неплохо, – кивнул я. – Ставлю сто к одному, что все прошло гладко. Но если кто-то ждет на Семьдесят пятой, а вы так и не появитесь, этот кто-то начнет волноваться. Стоит быстренько все обговорить, вернуться на Семьдесят четвертую и выйти через Семьдесят пятую. Совет бывалого человека.

– Разумеется. – Она посмотрела на меня красными воспаленными глазами. – А быстренько – это сколько по времени?

– Все зависит от того, насколько терпелив и дотошен ваш преследователь, а с ним мы незнакомы. – Я посмотрел на наручные часы. – Сейчас двенадцать двадцать пять. Вы прие-

хали чуть больше получаса назад. Разумно ожидать, что у своей подруги вы задержитесь на несколько часов. Правда, если вас хорошо изучили и выяснили, что там живет Хелен Блаунт, преследователь может позвонить ей и спросить вас, а ему ответят, что вы и не заглядывали... Признаться, среди моих знакомых похитителей нет, но из того, что я о них слышал и читал, можно сделать вывод, что эта публика въедливая.

Она покачала головой:

– Хелен предупредила служанку, как отвечать на звонки, поэтому любому, кто будет спрашивать меня, скажут, что я крайне занята и не смогу подойти.

– Хорошо. А что насчет самой Хелен Блаунт? Ей-то известно, что вы поехали повидать Ниро Вулфа.

– Она не знает для чего. Ей можно доверять. Лично я доверяю ей полностью. – Миссис Вейл снова повернулась к Вулфу. – Вот так я и добралась сюда. Когда уйду, мне придется навестить свой банк, а оттуда я поеду на Семьдесят четвертую улицу. – В голосе опять прорезалась хрипота, и ей пришлось прокашляться. – Пропал мой муж. – Она достала из сумочки конверт. – Он не приехал домой в воскресенье вечером, а вчера доставили это письмо...

Ее кресло стояло слишком далеко, чтобы она, не вставая, могла вручить конверт Вулфу, а сам он, конечно, вставать не собирался, так что пришлось вмешаться мне. Я взял в руки обыкновенный почтовый конверт с напечатанным на машинке адресом: «Миссис Джимми Вейл, 994, Пятая авеню, Нью-Йорк», без индекса; на штампе почты значилось: «Отд. Брайант, 23 апреля 1961 года, 23:30». Позавчера. Клейкая полоска аккуратно отделена ножом, никаких оборванных краев. Я передал конверт Вулфу. Тот мельком изучил адрес и штамп, затем извлек сложенный пополам листок дешевой писчей бумаги, размерами пять на восемь дюймов, какую нередко используют для записок. Теперь-то письма у нас нет, но я успел сделать несколько снимков на следующий день, и его текст, быть может, подскажет вам ровно то, что подсказал тогда Вулфу.

Ваш Джимми у нас, в добром здравии. Мы не причинили ему вреда, и вы получите его обратно живым и невредимым за 500 000 долларов, если не станете никому рассказывать. Шутить мы не намерены. Если затеете что-нибудь, то больше его не увидите. Вам позвонят от мистера Нэппа. Советуем не пропустить этот звонок.

Вулф уронил листок на столешницу и уставился на Алтею Вейл:

– Простите, но не могу удержаться от очевидного замечания. Это наглый обман. Похищение – отчаянный шаг, опасное дело, и трудно поверить, чтобы человек, пошедший на подобное, подвергающий себя смертельному риску, стал вдруг шутить с жертвой. А перед нами шутка. Похититель собирается вам звонить и назваться Нэппом. Это чей-то глупый розыгрыш. А если все-таки нет, то, – он постучал пальцем по листку бумаги, – это сочинил крайне необычный человек. За вашим мужем водится склонность к шуткам?

– Нет. – Она вздернула подбородок. – Вы утверждаете, что меня дурачат?

– Я лишь намекаю на то, что такой вариант не исключается, но также указываю на иную возможность. Что вам противостоит чрезвычайно одаренный человек. Мистер Нэпп уже звонил?

– Да. Он позвонил вчера днем по номеру, указанному в телефонной книге. Я сообщила секретарше, что жду звонка, и она слушала наш разговор по второй трубке. Я решила, что вреда от этого не будет, ведь она разбирает мою почту и тоже прочитала письмо.

– Что он сказал?

– Объяснил, что нужно делать. Но вам я этого рассказывать не буду, просто выполню его поручение. Вы мне нужны для другого, чтобы вернуть моего мужа. Живым. Конечно, его могли убить, я знаю, но... – Ее подбородок задрожал, и она крепко стиснула губы, чтобы совладать с

чувствами. – Если так и случилось, я прошу вас отыскать похитителей при условии, что полиция и ФБР не справятся. Но вчера этот тип сообщил, что с моим мужем все в порядке, и я поверила ему. Я должна верить! – Она сдвинулась на краешек кресла. – Похитители, говорят, нередко убивают своих жертв, когда получают деньги. Чтобы их нельзя было выследить и опознать. Это правда?

– Бывает.

– Вот именно. Для того-то вы мне и нужны. Выполнить их условия, передать деньги – тут я обойдусь своими силами, вы все равно ничем не поможете. Я сказала своему банкиру, что заберу деньги сегодня, и прямо от вас...

– Полмиллиона долларов?

– Да. Я в точности выполняю указания того человека. Это единственное, что мне остается, чтобы вернуть мужа. Я хочу вернуть его живым и ради этого намерена нанять вас.

– Мадам, вы же не серьезно? – хмыкнул Вулф. – Такое я ожидал бы услышать от деревенской простушки, но не от вас. Как вы предлагаете мне поступить? Этого шутика, или кто он там на самом деле, можно проследить только через передачу денег, а вы отказываетесь сообщать какие-либо подробности на сей счет. Пф! Позвольте усомниться в ваших словах.

– Я сказала ровно то, что сказала. Слышите?! Я пришла к вам с конкретной просьбой. Вы мне отказываете? Вы же гений! Как вы заслужили свою славу? – Она достала из сумочки чековую книжку и ручку. – Десяти тысяч в качестве задатка будет достаточно?

В ней самой имелась крупица гениальности, может, просто выпал счастливый день, что Вулф ее не прибил, пока она бросала ему в лицо упрёки и трясла перед ним чеком. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и положил ладони на подлокотники. Я все ждал, что его губы начнут шевелиться, но этого не произошло. Похоже, нынешний случай выбивался из привычной рутины. Между тем миссис Вейл положила книжку на столик рядом со своим креслом, подписала чек, вырвала тот из книжки, встала, кинула на стол перед Вулфом и снова уселась. Она было раскрыла рот, но я предостерегающе поднял руку. Прошла минута, другая, потом еще две или три. Наконец Вулф открыл глаза, выпрямился и произнес:

– Бери блокнот, Арчи.

Я достал блокнот, а Вулф, вместо того чтобы диктовать, опять закрыл глаза. Где-то через минуту встрепенулся и повернулся к миссис Вейл:

– Важно каждое слово. Много можно узнать из того, в каком порядке человек ставит слова и как их употребляет. Вы должны точно передать мне телефонный разговор с похитителем.

– Нет! – решительно возразила она. – Вы ведь попытаетесь что-то сделать, что-то выкинуть. Привлечете Арчи Гудвина. Знаю, он умен, а вы и вовсе гений, но я не могу рисковать. Я пообещала тому типу выполнить все его указания, причем в одиночку, так что ничего я вам рассказывать не стану. Чем важны слова? При чем тут их порядок?

Плечи Вулфа приподнялись на восьмую часть дюйма и вновь опустились.

– Ладно. А что насчет голоса? Вы его узнали?

Она явно изумилась:

– Узнала? Да нет же, с какой стати?

– А вам не показалось, не почудилось, что вы могли слышать этот голос раньше?

– Нет.

– Он был многословен или краток?

– Краток. Просто перечислил, что я должна сделать.

– Как он говорил? Отрывисто или плавно?

Она задумалась.

– Ни то ни другое. Деловито.

– А как фразы строил? Правильно?

– Мне было не до грамматики! – взъерилась она. – Я слушала указания!

– Хорошо, перефразирую. Он показался вам образованным человеком? В том общепринятом значении этого слова, которое обычно подразумевают?

Она вновь задумалась.

– Пожалуй, он говорил внятно. Не вульгарно. Да, думаю, он образованный человек. – Она нетерпеливо махнула рукой. – К чему эти расспросы? Вы не настолько гений, чтобы догадаться о личности похитителя или о том, где он прячется, по его речи. Или настолько?

Вулф покачал головой:

– Это было бы чернокнижие, а не гениальность. Когда и где вы в последний раз виделись со своим мужем?

– В субботу утром у нас дома. Он поехал в наш загородный дом недалеко от Катоны, чтобы проверить, как там дела. Я неважно себя чувствовала, поэтому осталась в городе. Он позвонил с утра в воскресенье и сказал, что, скорее всего, вернется поздно. Когда в полночь он так и не появился, я позвонила смотрителю, и тот сообщил, что мой муж уехал вскоре после восьми. Я не сильно волновалась, скажу честно, потому что иногда мой муж любит покататься по ночам. Но вчера утром уже начала беспокоиться, хотя и не спешила донимать знакомых звонками, а потом доставили это письмо...

– Он уезжал из загородного дома один?

– Да. Я специально уточнила у смотрителя.

– Как зовут вашу секретаршу?

– Мою секретаршу? А вы умеете менять тему. Ее зовут Дина Атли.

– Давно она у вас работает?

– Семь лет. А что?

– Я должен с ней побеседовать. Пожалуйста, позвоните и пригласите ее сюда, немедленно. Миссис Вейл от изумления раскрыла рот, но тут же резко сжала губы.

– И не подумаю! Что она может вам рассказать? Она же не знает, что я поехала к вам, и мне ни к чему, чтобы она об этом узнала. Даже она! Я доверяю ей целиком и полностью, но не собираюсь рисковать понапрасну!

– Заберите свой чек. – Вулф ткнул пальцем в бумажку на столе. – Забирайте и уходите. – Он скривился. – Мне нужны хоть какие-то доказательства вашей искренности. Я знаю, что вы действительно та, за кого себя выдаете, поскольку мистер Гудвин вас опознал, но только и всего. Вы вправду получили письмо по почте? Вам вправду звонил мистер Нэпп? Эти события подтверждаются лишь вашими словами. Я не желаю участвовать в каком-то глупом розыгрыше. Арчи, отдай миссис Вейл ее чек.

Я было привстал, но она меня опередила:

– Это не розыгрыш. Господи, да какой может быть розыгрыш?! Моего мужа грозились убить! Разве то, что я хочу оставить свой визит к вам в тайне даже от секретаря, – разве это неправильно? Если хотите услышать от нее, что сказал тот тип по телефону, она не будет говорить. Я ей запрещу!

– Я не стану ее спрашивать об этом, – отрубил Вулф. – Я лишь спрошу, как он говорил. Если вы были со мной откровенны, а пока у меня нет причин предполагать иное, вам незачем возражать против моей беседы с ней. А что касается вашего появления здесь, то мистер Нэпп скоро сам все выяснит. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Алтея Вейл ошарашенно выпучила глаза:

– Узнает? Но как?

– От меня. – Вулф обернулся. – Арчи, можно разместить объявление в вечерней газете?

– Думаю, да. В тех, что выходят позже остальных, – ответил я. – Можно попробовать сунуться в «Пост» и «Уорлд телеграм». А в «Газетт» Лон Коэн поможет. – Я снова взял ручку и блокнот. – Объявление обычное?

– Нет, оно должно бросаться в глаза. Сделаем в две колонки или в три. Заголовок тридцать шестым кеглем, шрифт жирный и с разрядкой. «Мистеру Нэппу». Дальше двенадцатым кеглем: «Женщина, чьим имуществом вы завладели, обратилась ко мне за помощью. Точка. Она приехала ко мне. Точка. Отказалась сообщить то, что вы сказали ей по телефону в понедельник, запятая, и твердо стоит на своем. Точка. Я не знаю, какие указания вы ей дали, запятая, и не рассчитываю узнать, запятая, но мне это и не нужно. Точка. Она наняла меня ради того, запятая, чтобы вернуть свое имущество в надлежащем состоянии, запятая, и такова цель данного объявления. Абзац. Также предусмотрено, запятая, что она, запятая, если потребуется, запятая, наймет меня для другой работы. Точка. Если имущество не будет возвращено или окажется сильно поврежденным, запятая, я обязался посвятить свои силы, запятая, время и талант тому, запятая, чтобы обеспечить справедливое и надлежащее воздаяние за нанесенный урон, точка с запятой; она готова поддержать меня всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. Точка. Если вы знаете обо мне слишком мало, запятая, чтобы проникнуться серьезностью моего обещания, запятая, то советую навести справки о моей деятельности и моем упорстве». Ниже, жирно, четырнадцатым кеглем: «Ниро Вулф». Счет пусть выставляют мне. По телефону получится надиктовать?

– Лону Коэну из «Газетт» точно получится. С другими попытаюсь. – Я потянулся за трубкой, но Вулф меня остановил:

– Погоди. – Он повернулся к миссис Вейл. – Вы все слышали. Как вы сами сказали, не исключено, что ваш муж уже мертв. Если так, публикуя данное объявление, я принимаю обязательство найти его убийц. А вы? Вы готовы тратить время и деньги?

– Безусловно. В особенности если его убили. Но я не... Это все, что вы собираетесь сделать? Только это?

– Я могу не делать этого, мадам, и в результате не сделать вообще ничего. Вы лишаете меня иных возможностей. Я возьмусь за дело, когда вы выпишете второй чек, на пятьдесят тысяч, и вызовете сюда свою секретаршу. – Он хлопнул ладонью по подлокотнику. – Вы отдадите себе отчет, что я ставлю на кон свою репутацию, заслуженную многими годами расследований? Именно за нее вы платите, а также за взятые мной обязательства. Если ваш муж уже мертв или если мистер Нэпп, пропустив, а то и проигнорировав мое объявление, его убьет, когда получит деньги, у меня не останется выбора. А если вы обанкротитесь? Я ведь рискую потратить больше шестидесяти тысяч. Конечно, если ваш муж вернется целым и невредимым, никто ничего расследовать не станет, и я возвращу вам часть средств. Сколько конкретно, это уж мне судить. Меньше, если выяснится, что мое объявление пригодились, и больше, если оно не сработает. Я ценю свою репутацию, мадам, и рискую ею в ваших интересах, но в алчности меня никто не упрекал. – Он бросил взгляд на настенные часы. – Если указания, отданные вам мистером Нэппом, касались сегодняшнего дня, объявление следует напечатать тоже сегодня. А уже почти час.

Бедная женщина, точнее, бедная богатая женщина закусила нижнюю губу и уставилась на меня. Люди частенько так поступают, ищут у меня защиты от свирепого Вулфа, думают, что я непременно ринусь им на выручку. Порой я не против их утешить, но к Алтее Вейл, она же миссис Джимми Вейл, это не относилось. Она не вызывала у меня сочувствия. Встретив ее взгляд, я постарался показать, что мной движет лишь профессиональный интерес. Она это поняла – и сдалась. Снова достала чековую книжку, положила на столик, подписала второй чек, не разжимая губ. Когда она оторвала чек, я подошел, взял и передал Вулфу. Пятьдесят штук. Вулф посмотрел на цифру, уронил чек на стол и продолжил:

– Надеюсь, мадам, что большая часть суммы к вам вернется. Прошу, не сомневайтесь в моих словах. Можете воспользоваться аппаратом мистера Гудвина, чтобы позвонить своей секретарше. Когда закончите, он займется размещением объявления. Если повезет, его напечатают все три газеты.

Она вяло повела рукой:

– Мистер Вулф, это действительно необходимо? Вызывать сюда мою секретаршу?

– Да, если хотите, чтобы я взялся за дело. Вы, помнится, собирались в банк, а скоро наступит время ланча. Пригласите ее к трем.

Алтея Вейл встала, перебралась в мое кресло и принялась набирать номер.

Глава 2

Дина Атли прибыла в 15:05, на пять минут опоздав к назначенному сроку. Вулф сидел за столом с книгой «Лотос и робот» Артура Кёстлера. К ланчу мы приступили позже обычного, поскольку Вулф строго-настрого предупредил Фрица не класть на сковородку икру шэда без команды, а я лишь ближе к половине второго окончательно бросил попытки уговорить «Пост» и «Уорлд телеграм» опубликовать наше объявление. На них ничто не действовало, так что пришлось довольствоваться одной «Газетт», да и то благодаря Лону Коэну, который успел усвоить, что сотрудничать с нами для него полезно. Я также договорился, что объявление разместят все утренние газеты: их выпуски появятся около одиннадцати, а значит, если мистер Нэпп увидит призыв Вулфа после того, как получит деньги, но до того, как избавится от Джимми Вейла, то вполне может передумать.

Наша клиентка отправилась в банк, едва Лон Коэн подтвердил, что объявление будет напечатано в обоих вечерних выпусках «Газетт». Пока я названивал остальным, ближе к завершению бесплодных уговоров, Вулф стоял рядом со мной, но не для того, чтобы слушать. Он держал в руках письмо, полученное миссис Вейл от похитителя, и задумчиво смотрел на клавиши пишущей машинки, переводил взгляд с текста на эти клавиши и обратно, и так продолжалось, пока Фриц не позвал нас на ланч. За едой мне было не до замечаний или вопросов, с поджаренной икрой шэда, свежей и горячей, под соусом со шнитт-луком, кервелем и луком-шалотом, да и вообще у нас не принято обсуждать дела за столом, а потому пришлось дожидаться окончания ланча. Только очутившись снова в кабинете, я позволил себе прокомментировать:

– Письмо напечатано на «ундервуде», но мой не годится, если вы это проверяли. «А» в тексте чуть залипает, как и несколько других клавиш. И я ничего такого не писал.

Усевшись, Вулф потянулся за «Лотосом и роботом». Книга, которую он в данный момент читал, обыкновенно лежала справа на столешнице, перед вазой с орхидеями. В тот день в вазе красовалась *Miltonia vexillaria*, собственноручно принесенная Вулфом из оранжереи в одиннадцать утра.

– Хм... – протянул он. – Я лишь проверял одно предположение.

– И как успехи?

– Неплохо. – Он раскрыл книгу и повернулся ко мне широченной спиной.

Если у меня имелись собственные предположения, проверять их предстояло самостоятельно. Посетитель должен был пожаловать в течение десяти минут, а Вулф всегда утверждал, что после еды для пищеварения нет ничего лучше книги, поскольку она заполняет разум, но не затрагивает желудок; и сейчас он твердо намеревался воспользоваться этим правилом. Четверть часа спустя – большую часть этого времени я потратил на изучение письма похитителя, изредка косясь на пишущую машинку, – прозвенел дверной звонок. Я пошел открывать, вернулся в кабинет с посетительницей, объявил ее имя и усадил в красное кожаное кресло. Вулф не отрывался от книги, пока я не сел за свой стол; только тогда он заложил страницу, соизволил обратить внимание на гостью и спросил:

– Вы умелый секретарь, мисс Атли?

Ее глаза чуть расширились от изумления, потом она улыбнулась. Если она и плакала за компанию со своей нанимательницей, то по лицу этого было не заметно. На вид я дал бы ей лет тридцать, но, возможно, на самом деле она на пару лет моложе.

– Я оправдываю свое жалованье, мистер Вулф.

Холодный взгляд, холодная улыбка, холодный тон. С некоторыми ледышками помогает, если слегка растопить их лед и посмотреть, что получится, – бывает любопытно, кстати, – но

с другими сразу становится ясно, что ледяная корка у них очень толстая. Дина Атли была из вторых. При этом вполне себе красotka – личико привлекательное, фигурка ладная.

Вулф пристально ее оглядел:

– Не сомневаюсь. Как вы знаете, миссис Вейл звонила вам отсюда. Я слышал, как она наставляла вас не делиться со мной содержанием вчерашней телефонной беседы с мистером Нэппом. Но разрешите напомнить, что ей сейчас непросто рассуждать здраво. Быть может, вы полагаете иначе. Что скажете?

– Нет. – Опять этот холодный тон. – Она моя нанимательница.

– Тогда я не стану вас изводить. Вы постоянно открываете почту миссис Вейл?

– Да.

– Все письма, которые приходят на ее имя?

– Да.

– Сколько писем было во вчерашней утренней почте?

– Не считала. Может, десятка два.

– Конверт вот с этим письмом – вы открыли его первым или несколько позже?

Разумеется, его тактика была стара как мир – минимум три тысячи лет возрастом. Он выпрашивал подробности события, выискивая признаки неуверенности и смятения.

Дина Атли улыбнулась:

– Сначала я разбираю почту, а рассылки и прочую регулярную корреспонденцию оставляю на потом. Вчера было четыре, нет, пять конвертов, которые я открыла в первую очередь. Это письмо нашлось в третьем по счету конверте.

– Вы немедленно показали его миссис Вейл?

– Разумеется. Отнесла в ее комнату.

– В загородный дом в воскресенье вечером она звонила при вас?

– Нет. Я была дома, но к тому времени уже легла.

– В какое время вчера днем поступил звонок от мистера Нэппа?

– В четыре часа восемь минут. Я догадывалась, что точное время может понадобиться, и сделала себе пометку.

– Вы слушали разговор?

– Да. Миссис Вейл попросила, и я согласилась.

– Стенографировали?

– Конечно.

– Вы учились в колледже?

– Да.

– А печатаете двумя пальцами или четырьмя?

Она снова улыбнулась:

– Всеми десятью. Слепую. – Она повела ладонью. – Право же, мистер Вулф, к чему эти глупые расспросы? Разве они помогут вернуть мистера Вейла живым?

– Нет. Однако они вовсе не бессмысленны. Понимаю, что вы стремитесь быть рядом с миссис Вейл, а она в вас нуждается, и сильно я вас не задержу, обещаю. Выяснить насчет голоса и манеры произношения звонившего бесполезно. Если я и узнаю что-то новое, уже слишком поздно. Но, если не возражаете, мистер Гудвин возьмет у вас отпечатки пальцев. Арчи, будь добр...

Это ее немного расшевелило.

– Мои отпечатки пальцев? Зачем?

– Не ради благополучного возвращения мистера Вейла. Эти отпечатки могут пригодиться впоследствии. Не исключено, что мистер Нэпп или его пособник оставили следы на этом листке. Кстати, вы не знаете, брал его кто-либо в руки до вас и миссис Вейл?

– Не знаю.

– Мы с мистером Гудвином трогали листок, но позднее. Надо бы отпечатки и у миссис Вейл взять. Смею заверить, мистер Гудвин отлично справляется. Даже если мистер Вейл вернется домой в добром здравии – надеюсь, именно так все и будет, – нам, возможно, потребуется определить, нет ли на письме неопознанных отпечатков. Вы возражаете против процедуры или согласны?

– Не возражаю. Чего мне опасаться?

– Отлично. Арчи?

Я открыл ящик стола и извлек чернильницу со штемпельной подушечкой и специальную бумагу. Теперь-то мне стало ясно, что за предположение проверял Вулф, когда изучал клавиши моей пишущей машинки с письмом мистера Нэппа в руке, а еще я понял, зачем нужны отпечатки Дины Атли. Словом, необходимости указывать ее имя на листке с оттисками не было, но я все равно его надписал. Она встала, подошла к моему столу, и сначала я занялся ее правой рукой. Какие красивые у нее ладони – гладкие, ухоженные, с длинными и тонкими пальцами... Ни единого колечка, между прочим. Когда мы перешли к левой руке, покончили с большим, указательным и средним пальцем и взялись за безымянный, я непринужденно поинтересовался:

– Что это? Царапина?

– Ерунда. Прищемила ящиком.

– Мизинец тоже? Не волнуйтесь, я буду осторожен.

– Уже почти зажило. Это случилось несколько дней назад.

Но я проявил деликатность. Какой смысл действовать грубо, если ее отпечатки нам все равно ни к чему? Отмывая кончики пальцев тряпкой, смоченной в растворе, она спросила Вулфа:

– Неужели вы думаете, что похититель был настолько глуп, что мог оставить свои отпечатки на письме?

– Вряд ли глуп, – признал Вулф. – Но не исключено, что он оставил след по неосторожности. Еще одно, мисс Атли. Позволю себе уточнить, что нашей первейшей заботой является жизнь и безопасность мистера Вейла. Я приложу все старания к тому, чтобы он остался жив. Арчи, покажи копию объявления.

Я взял бумагу со стола и протянул мисс Атли. Вулф подождал, пока она не прочтет, и добавил:

– Это объявление появится в сегодняшней «Газетт» и в утренних газетах. Если похититель его заметит, то, возможно, призадумается. Больше того, он наверняка призадумается, если слышал обо мне хотя бы краем уха. Этим объявлением я публично беру на себя некие обязательства. Если он убьет мистера Вейла, то тем самым окажет себе медвежью услугу. Я непременно отыщу его – через месяц, через год или через десять лет. Очень жаль, что мы с вами не в состоянии связаться с ним и разъяснить ему это обстоятельство.

– И вправду жаль. – Ее тон ничуть не изменился. Она вернула мне копию объявления. – Быть может, он не настолько высокого мнения о ваших способностях, как вы сами. – Она сделала три шага к двери, остановилась и добавила: – Быть может, он считает, что полиция для него даже опаснее.

С этими словами она вышла из кабинета. Я метнулся в прихожую, чтобы открыть входную дверь. Благодарности и слов на прощание я не ждал – и не получил.

Вернувшись в кабинет, я встал перед столом Вулфа и, глядя на шефа сверху вниз, утвердительно произнес:

– Значит, это она напечатала.

– Разумеется, – кивнул он. – Я не...

– Прошу прощения, но давайте я сам попробую. С первого взгляда на письмо вам, как и мне, стало ясно, что человек, который его печатал, бьет по клавишам неравномерно. Потом,

пока я звонил, вы рассматривали письмо, вас осенило. Вы сравнили буквы с клавишами и заметили, что все слабо пропечатанные буквы расположены на клавиатуре слева – не просто левее центра, но на левом краю. W, F, A, S и D. Поэтому вы предположили, что печатал кто-то, умеющий делать это десятью пальцами, а не двумя или четырьмя, и что...

– Что, возможно, он печатал вслепую...

– Прошу прощения, но я не закончил. Насчет «вслепую» – это лишь ваши домыслы. По какой-то причине безымянный палец и мизинец на левой руке нашего неизвестного били по клавишам слабее, чем другие пальцы. Ладно. Я присоединился к вам после ланча, когда вы читали, прямо перед ее приходом. Вы видели, как я сравниваю письмо с клавишами машинки...

– Не видел. Я читал.

– Почему-то я вам не верю. Вы ничего не упускаете, хотя частенько притворяетесь, будто упустили. Меня вы точно видели. Потом пришла мисс Атли, и вы меня снова опередили. Согласен, сам заслужил. Мое зрение не хуже вашего, находился я ближе, чем вы, но вы первым обратили внимание на то, что кончики двух пальцев на ее левой руке обесцвечены и слегка раздуты. А я проморгал. Конечно, когда вы сказали, что нам необходимы ее отпечатки, я тоже это заметил. Так что забудьте мои слова насчет «сам заслужил», ведь я сообразил, от чего пострадали ее пальцы. Ну, все верно?

– Да. Не считая того, что это по-прежнему предположение, а не факт.

– Мы практически его подтвердили и заработали вам пятьдесят тысяч. По-вашему, просто совпадение, что она, опытная машинистка, живущая в доме нанимательницы, ушибла два пальца на левой руке ровно настолько, чтобы продолжать ими печатать? Чушь собачья! Хотя режьте, эту отговорку я не приму. Потом вы заставили ее прочитывать объявление, убедились, что она все запомнила, рассчитывая, что она донесет суть послания до мистера Нэппа... Почему вы позволили ей уйти?

– Выбор был невелик, – ответил Вулф. – Либо она уходит, либо мы ее прижимаем. Как думаешь, она сдалась бы?

– Нет. Крепкий орешек.

– А если мистер Вейл уже мертв, что вполне возможно, было бы непростительным промахом раскрывать перед ней наши подозрения. И если он жив – тоже. Она бы посмеялась надо мной, только и всего. Задержать ее силой, взять в заложницы по подозрению, пускай обоснованному, и известить мистера Нэппа, что мы готовы обменять ее на мистера Вейла? Вариант, конечно, однако как связаться с мистером Нэппом? Опубликовать второе объявление слишком поздно. У тебя есть идеи?

– Найдутся. Я напрошусь на встречу с миссис Вейл, под любым предлогом, и исхитрюсь, так или иначе, напечатать что-нибудь на машинке, которой пользуется Дина Атли. Разумеется, это письмо она могла напечатать на другой, но все равно мы сможем сравнить шрифты.

Вулф покачал головой:

– Нет. Ты мыслишь смело и бываешь порой деликатным, но мисс Атли наверняка настоится. Кроме того, вспомни, о чем она спрашивала: помогут ли мои расспросы вернуть мистера Вейла живым? Словом – нет.

Он бросил взгляд на часы. Через десять минут ему предстояло удалиться на ежедневную двухчасовую встречу с орхидеями в оранжерее – с четырех до шести, как обычно. Еще можно прочитать несколько страниц. Он потянулся за книгой и раскрыл ее на заложенном месте.

Глава 3

Возможно, я внушил вам неверное представление о Джимми Вейле, поэтому спешу исправиться.

Возраст: тридцать четыре года; рост: пять футов десять дюймов; вес: сто пятьдесят фунтов. Темные глаза, иногда подернутые ленивой поволокой, иногда яркие, блестящие от возбуждения. Прилизанные темные волосы, почти черные, правильное бледное лицо с большим ртом. Видел я его ничуть не реже, пожалуй, чем его жену, поскольку в театры и рестораны они, как правило, ходили вдвоем. В 1956-м он устроил целое представление в «Глори хоул» в Гринвич-Виллидже – полчаса болтал непрерывно, отпуская язвительные замечания обо всем на свете. Тогда-то и заметила его Алтея Теддер, вдова Харольда Ф. Теддера, а год спустя вышла за него замуж, или он на ней женился, в зависимости от того, кто это рассказывает.

Полагаю, любая женщина, выходя замуж за мужчину лет на десять моложе себя, становится мишенью для злословия даже среди друзей, не говоря уже о недругах, как бы ни обстояли дела в действительности. Конечно, нередко сплетни не более чем пустые домыслы. Джимми Вейл нравился женщинам всех возрастов, они хотели быть с ним, спору нет, а сам он, нет сомнений, мог бы погуливать налево от супруги хоть семь дней в неделю, возникни у него такое желание, но лично я ничего подобного за ним не замечал. Как по мне, он, если отбросить досужую болтовню, был просто примерным мужем. Я ждал, что она попросит Вулфа последить за ним, потому что стараниями друзей узнала о части слухов.

Между прочим, двадцать пять лет назад она тоже произвела фурор – Алтея Перселл, молочница в пьесе «Луговой жаворонок», бросила театр, чтобы стать женой мужчины старше себя и намного богаче. У них родились двое детей – сын и дочь. Я видел их пару раз во «Фламинго». Теддер умер в 1954-м, и Алтея выждала положенный по приличиям срок, прежде чем снова выйти замуж.

По правде говоря, ни Джимми, ни Алтея не совершили ничего предосудительного или хотя бы скандального за четыре года своего брака. В газетах их имена мелькали часто, но лишь потому, что от них постоянно ожидали чего-то эдакого. Она бросила Бродвей на взлете карьеры, чтобы стать женой богатого и довольно знаменитого мужчины средних лет, а он отказался от славы у микрофона ради женитьбы на богатой женщине средних лет. Когда подобная парочка наследует дом и капиталы Теддера, можно ожидать чего угодно, вот пресса и ждала.

С другой стороны, два дня назад наконец-то случилось нечто необычное, экстраординарное, а в газеты до сих пор не просочилось и намек. В объявлении Вулфа, адресованном мистеру Нэппу, не было ни словечка, которое позволило бы связать его с четой Вейл. Попадись оно на глаза Хелен Блаунт, приятельнице миссис Вейл, та, быть может, догадается, но вряд ли станет кричать о том на каждом углу. Лично я увидел объявление вскоре после того, как Вулф удалился в оранжерею. Не дожидаясь половины шестого, когда нам обычно доставляли вечерний выпуск «Газетт», я прогулялся до киоска на углу Тридцать четвертой улицы и Восьмой авеню. Объявление напечатали на пятой полосе, с широкими полями. Ни один Нэпп такое точно не пропустит, но мы-то знаем, что на самом деле похитителя зовут иначе.

На вечер у меня были планы: пообедать с подругой и сходить на спектакль. Доложу я вам, это было приятное отвлечение: работа сыщика, пусть он и правая рука Ниро Вулфа, а также его ноги, сводится в основном к скучной, утомительной рутине, а потому мысль о преследовании женщины, несущей полмиллиона долларов похитителю ее мужа, вводила в соблазн. Во-первых, отличный способ скоротать вечерок, а помимо того – добрая гора возможностей. Однако дело взял Вулф, а я работал на него, поэтому без его ведома и одобрения такие вылазки недопустимы, он же совершенно точно не разрешит. Попросту отмахнется и опять уткнется в книгу. Потому в шесть я поднялся к себе, переоделся и направился в ресторан. Впрочем, на

протяжении всего вечера лицо клиентки маячило перед моим мысленным взором, а вернувшись домой около часа ночи, я с трудом поборол искушение набрать ее номер и справиться, как все прошло.

Зазвонил телефон. Среди всех неприятных способов побудки самый мерзкий для меня – это телефонный звонок. Я перекатился на бок, заставил себя открыть глаза, увидел, что уже светло, а часы показывают 7:52, схватил трубку, поднес к уху и ухитрился проворчать:

– Резиденция Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает.

– Мистер Гудвин?

– Я вроде бы назвался, нет?

– Это Алтея Вейл. Мне нужно переговорить с мистером Вулфом.

– Невозможно, миссис Вейл. До завтрака – никаких разговоров. Если что-то срочное, сообщите мне. Вы...

– Мой муж вернулся! Целый и невредимый!

– Хорошо. Замечательно. Он сейчас с вами?

– Нет, он в нашем загородном доме. Звонил десять минут назад. Сказал, что примет ванну, переоденется, поест, а потом поедет в город. С ним все в порядке, в полном порядке. Я вот почему звоню: он обещал похитителям никому ничего не рассказывать сорок восемь часов и за меня тоже поручился. Я не сказала ему, что ездила к Ниро Вулфу. Подожду, когда он доберется сюда. Нельзя, чтобы мистер Вулф проговорился. Ни он, ни вы. Потому я и звоню. Вы ему передадите?

– С удовольствием. Вы уверены, что звонил именно ваш муж?

– Еще бы! Мне ли не знать его голос?!

– Отлично. Будем считать, что объявление помогло. Перезвоните, пожалуйста, когда ваш муж приедет домой.

Она пообещала, и на этом мы расстались. В радиоприемнике щелкнуло, мужской голос произнес:

– ...Располагает пятью удобными помещениями в Нью-Йорке! Одно находится на...

Я протянул руку и выключил радио. Ночью, перед сном, я настроил приемник на восьмичасовой выпуск новостей, но в данный момент никакие другие новости мне не требовались. С несказанным удовлетворением я потянулся, зевнул, изрек вслух: «Какого черта! Что бы ни твердил Джимми Вейл, мы-то знаем, что Нэпп испугался объявления!» – снова зевнул и смирился с тем фактом, что вставание с кровати требует изрядной силы воли.

Над головой ничего не висело, а потому я еще понежился и лишь после половины девятого спустился на первый этаж, вошел в кухню, пожелал доброго утра Фрицу, налил себе стакан апельсинового сока, сделал хороший глоток и наслаждался благодарным бурчанием живота. Пока спускался, мне было пришло в голову заглянуть к Вулфу, но я быстро передумал. Он наверняка сейчас уминает завтрак – Фриц обычно идет к нему с подносом в восемь пятнадцать.

– Никакого перца в колбасках, – предупредил Фриц. – Это было бы оскорбление вкуса. Мистер Хауи прислал нам свой лучший товар.

– Тогда мне двойную порцию. – Я снова глотнул сока. – Ты порадовал меня хорошими вестями, и я тебя тоже пораду. Женщина, которая приходила вчера, поручила нам дело, и поручение уже выполнено. Вот так. Денег хватит, чтобы нам с тобой платили несколько месяцев.

– Fort bien¹. – Он подлил масла на сковородку. – Поэтому ты вчера припозднился?

– Нет. Шеф справился, не вставая с кресла.

– Неужели? А разве не ты утверждал, что он без тебя как без рук? Кто же тогда *piquer*?²

¹ Очень хорошо (*фр.*).

² Зд.: Расследует (*фр.*).

– Чего? Как это слово пишется?

Фриц произнес по буквам.

– Погляжу в словаре.

Я поставил пустой стакан на стойку и сел за стол у стены, где лежал мой экземпляр «Таймс». Пока ел, продолжал поглядывать на часы и в 8:57, когда доедал первую оладью и вторую колбаску, протянул руку к домашнему телефону и набрал комнату Вулфа.

– Да? – прорычал он.

– Доброе утро. Миссис Вейл звонила с час назад. Ее муж связался с ней из их загородного дома. Он на свободе, вроде бы жив и здоров, приедет в город, когда приведет себя в порядок и перекусит. Пообещал кому-то – видимо, мистеру Нэппу, – что ни он сам, ни его жена рта не раскроют в ближайшие сорок восемь часов. Она просила, чтобы мы не проболтались.

– Годится.

– Ну да, все как будто сошлось. Но я собираюсь выйти в банк, обналичить ее чек, а оттуда всего пять кварталов до редакции «Газетт». Скоро слухи все равно разойдутся, и я хочу предупредить Лона Коэна, чтобы он пока помалкивал. Он слово держит, вы сами знаете, а за предупреждение будет благодарен.

– Нет.

– В смысле? Он не держит слово?

– Нет. Он-то как раз доказал, что ему можно доверять. Но я не видел миссис Вейл сегодня. И ты тоже не видел. Было бы полезно сделать мистера Коэна нашим должником, но с этим можно повременить. Не торопись. – Он повесил трубку.

Ба! На целых две минуты опоздал с выходом в оранжерею на крыше.

Фриц принес вторую оладью и пару колбасок.

– Пожалуй, за гнутую монетку я бы сходил наверх и понадоедал бы ему.

Он похлопал меня по плечу:

– Брось, Арчи. Если приспичит, тебя не остановить, а если нет, значит нет.

Я намазал оладью маслом:

– Будем считать, что это похвала. Надо запомнить.

Следующие пару часов, за которые я позавтракал и дочитал «Таймс» (наше объявление было на двадцать шестой полосе), проверил почту, смел пыль со столов, убрал вчерашние орхидеи и налил в вазу свежую воду, прогулялся до банка и обратно, а также выполнил множество мелких повседневных дел, я не прекращал обдумывать ситуацию. Картина выглядела до отвращения нелепой. Тебя нанимают ради столь громкого дела, как похищение знаменитости, – а Джимми Вейл всяко знаменитость, – и ты печатаешь объявление в газете, получаешь гонорар, и все довольны. Все ли? Я, конечно, не прочь понадоедать Вулфу, когда для того есть повод, но ведь Джимми Вейл, спасти которого нас наняли, вернулся домой целехоньким! Когда все раскроется, в погоню за мистером Нэппом кинется орава копов и спецов из ФБР; рано или поздно они его, думаю, изловят. Наша работа выполнена, не считая того, что хотелось бы повидать Джимми воочию. Миссис Вейл клялась, что перезвонит, когда он приедет. Вот не поленюсь, спрошу у него, показывал ли ему мистер Нэпп номер «Газетт» с нашим объявлением.

Идти никуда не пришлось. В 11:25 в дверь позвонили. Вулф спустился из оранжереи, уселся за свой стол, поставил в вазу *Oncidium marshallianum*, оторвал вчерашний листок с перекидного календаря, проглядел почту и принялся надиктовывать длинное письмо охотнику за орхидеями из Гватемалы. Он терпеть не может, когда его отрывают от чего-то по-настоящему важного, но Фриц был наверху, так что я прервался, чтобы узнать, кто пришел, рассмотрел стоявшего на крыльце и доложил Вулфу, что явился Джимми Вейл, затем вернулся в прихожую и открыл дверь.

– Возможно, вы меня узнали? – спросил Джимми. – Я-то вас помню. Вы чертовски хорошо танцуете!

Я тоже его похвалил, ничуть не лукавя, принял пальто и шляпу, повесил на вешалку и проводил в кабинет. Вейл направился напрямик к Вулфу, встал перед столом и произнес:

– Знаю, вы не пожимаете рук. Однажды я хотел драться за вас с типом, который сказал, что вы пустозвон. Я, конечно, знал, что он струсит. Я Джимми Вейл. Можно присесть? Желательно – в красное кожаное кресло. А вот и оно. – Он сел, уперся локтями в подлокотники и скрестил ноги. – Заранее извините, если я вдруг рыгну. Два дня и три ночи меня кормили одной консервированной фасолью, а потом я съел яичницу с беконом. Жена рассказала, что наняла вас. Еще никогда столько не тратили ради такого пустяка. Разумеется, мне не нравится, когда меня называют имуществом жены. А кому понравится? Но я понимаю ваши соображения. Я увидел объявление, только когда жена мне показала. Не знаю, видели его мои похитители или нет. Это важно?

Глядя на него и слушая его треп, трудно было вообразить, что он провел шестьдесят часов в руках похитителей, питался холодной фасолью и, быть может, готовился к смерти. Правда, у него было время умыться и переодеться, а в сплетнях, которые о нем распускали, обвинений в мягкотелости не звучало. Лицо его было мертвенно-бледным, как всегда, гладким и с правильными чертами, тоже как всегда, а темные глаза задорно блеснули.

– Полезно, однако не более того, – ответил Вулф. – Вы пришли сообщить мне это? Что ничего не знаете?

– Не совсем. – Вейл вскинул руку к правому виску и шелкнул кончиком среднего пальца по кончику большого. Этим жестом он прославился в «Глори хоул». – Я упомянул об этом, поскольку это может быть важно для нас – для меня и моей жены. Если кто-нибудь из похитителей видел объявление в газете, то им известно, что моя жена все вам рассказала, а последствия могут быть плачевными. Вот поэтому я и пришел сразу, как приехал. Мне велели держать рот на замке сорок восемь часов, до утра пятницы, и проследить, чтобы жена помалкивала, иначе, мол, придется пожалеть. По-моему, они не шутили. Знаете, они меня убедили, что словами не бросаются. Мы с женой намерены молчать до утра пятницы уж точно, а вы что думаете? Можно напечатать другое объявление для мистера Нэппа, сообщить, что, раз имущество возвращено, вы претензий не имеете. Ваш интерес исчерпан. Сдается мне, это будет правильно.

Вулф разглядывал его, наклонив голову набок:

– Мистер Вейл, вы исходите из необоснованного допущения. Вы считаете, что я должен молчать до утра пятницы. Я сказал вашей жене, что обязанность уведомлять власти о серьезном преступлении порой смягчается привходящими обстоятельствами, например желанием спасти чью-то жизнь, но вы теперь, очевидно, вне опасности. Я увидел вас живым и здоровым, следовательно, больше не могу откладывать обращение в полицию. Лицензированный частный детектив обременен ограничениями, которые неведомы обычному гражданину. Не хочу подвергать вас или вашу жену...

Зазвонил телефон; я развернулся и снял трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гуд...

– Это Алтея Вейл. Мой муж у вас?

– Да, он...

– Мне нужно поговорить с ним.

В ее голосе прозвучала настойчивость. Я поступил так, как поступил, не только из любопытства. Между Вулфом и Джимми Вейлом явственно назревало столкновение по поводу утра пятницы. Если она звонит ради того же самого, я должен это услышать. Короче, я сказал Вейлу, что это его жена, передал ему трубку, а сам шмыгнул на кухню, ко второму аппарату.

– ...Случилось жуткое. Только что позвонили из Уайт-Плейнса, некий капитан Сондерс из полиции штата сообщил, что нашли мертвую женщину, и это Дина Атли, как им кажется. Хотят, чтобы я приехала в Уайт-Плейнс и опознала тело или прислала кого-нибудь вместо себя. Господи, Джимми, неужели это Дина?! Как она там очутилась?

Джимми. Не знаю. Может, Арчи Гудвин догадается. Он подслушивает нас по второй трубке. Полицейский рассказал, как ее убили?

Алтея. Нет. Он...

Джимми. А с чего они взяли, что это Дина Атли?

Алтея. Определили по вещам в ее сумочке и в машине. Она поехала туда на машине. Я не... Не хочу ехать... Может, отправить Эмиля?

Джимми. А почему нет? Как думаете, Гудвин? Эмиль – это наш шофер. Он точно скажет, это Дина Атли или нет. Обязательно ехать моей жене? Или мне?

Не было смысла притворяться, будто я не слушаю.

– Вас вызывают не просто ради опознания. Если это действительно Дина Атли, полиция захочет задать вам обоим несколько вопросов. Возможно, у них возникли какие-то сомнения, но тогда они сами приедут. А для опознания и я подошел бы. Попросите мистера Вулфа, чтобы он послал меня вместо вас.

Алтея. Здорово! Давай, Джимми!

Джимми. Ну не знаю... Куда там ехать в Уайт-Плейнсе?

Я. Я найду.

Алтея. Это наверняка Дина! Она не вернулась домой вчера вечером и... Как ужасно!

Джимми. Прощу, Ал, успокойся. Я скоро приеду. Просто постарайся успокоиться...

Я повесил трубку и вернулся в кабинет. Когда я вошел, Вейл как раз закончил утешать жену.

– Естественно, мне было любопытно, о чем клиент мистера Вулфа жадет сообщить по его телефону, – объяснил я. – А вы знали, что я буду слушать. – Я повернулся к Вулфу. – Полиция штата связалась с миссис Вейл из Уайт-Плейнса. Они нашли тело женщины, где именно, не уточнили, и по вещам в сумочке и в машине решили, что это Дина Атли. Наверняка нашлось и то, что вывело их на миссис Вейл, – может, домашний адрес был где-то указан. В общем, миссис Вейл просят приехать в Уайт-Плейнс и опознать тело, а она не хочет, как и мистер Вейл. Я предложил им упросить вас отправить туда меня.

Вулф, хмуро глядевший на Вейла, развернулся ко мне:

– Она умерла насильственной смертью?

– Миссис Вейл не знает. Я доложил все, что известно.

– Послушайте, это же просто кошмар! – Вейл переместился к моему столу. – Господи боже, жуть какая!.. Думаю, надо мне ехать самому.

– Если это мисс Атли и она погибла насильственной смертью, – сказал Вулф, – полиция захочет узнать, где вы были вчера вечером. Обычная процедура.

– Я никому не скажу, где был вчера вечером! До утра пятницы даже вы ничего от меня не узнаете!

– Тогда вас запишут в подозреваемые. Вам с супругой следует сознаться как можно скорее. А если на опознание поедет мистер Гудвин, его спросят, какое отношение он имеет к мисс Атли, когда и где он видел ее в последний раз. Вам известно, что вчера она заходила к нам?

– Да, жена рассказала. Но ведь Гудвин ничего такого полиции не скажет, верно?

Вулф откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Вейл хотел что-то добавить, понял, что его вряд ли услышат, и промолчал. Уселся было в красное кожаное кресло, снова вскочил, направился к двери, но развернулся, подошел к столу Вулфа и уставился на шефа.

Вулф открыл глаза и выпрямился:

– Арчи, найди мне миссис Вейл.

– У вас есть я, – вмешался Вейл. – Можете со мной обсудить.

– Вы не мой клиент, мистер Вейл. В отличие от вашей жены.

Я набрал номер – запомнил, когда нашел в телефонной книге во вторник вечером. Мне ответил женский голос: «Резиденция миссис Вейл». Я передал, что Ниро Вулф хотел бы побеседовать с ней.

седовать с хозяйкой. Некоторое время спустя наша клиентка произнесла: «Это Алтея Вейл. Слушаю, мистер Вулф». Я кивнул Вулфу, и тот снял свою трубку. Я остался слушать, хотя пришлось немного повоевать: Джимми Вейл вцепился в телефон, наложил на него лапы, как говорится, но я отбил, а что он там вопил – его дело, я слушал Вулфа.

– Доброе утро, мадам. Рад был повидаться с вашим мужем, как и вы сами, несомненно. Телефонный звонок из Уайт-Плейнса ставит нас с вами в затруднительное положение, но хочу кое-что предложить. Насколько я понимаю, вы не хотите ехать туда и опознавать тело мисс Атли. Я прав?

– Да. Арчи Гудвин вызвался поехать вместо меня.

– Мистер Гудвин вечно вызывается, – фыркнул Вулф, – ему на месте никак не сидится. Но вот такая штука: если это действительно мисс Атли, его станут расспрашивать, где и когда он видел ее в последний раз. А когда он объяснит, что мисс Атли накануне приходила ко мне, дальнейших расспросов не избежать. В частности, ему придется сообщить, что после ее ухода у нас – у меня и мистера Гудвина – возникло стойкое подозрение в ее причастности к похищению вашего мужа. И...

– В причастности Дины? Это нелепо! Откуда у вас такие мысли?

– С вашего разрешения я воздержусь от ответа. Объясню позднее, если понадобится. Но вернемся к тому, о чем шла речь. Полиция потребует, естественно, всех подробностей похищения, причем не только от нас с мистером Гудвином, но и от вас с мужем. До утра пятницы они точно ждать не станут, в том-то и проб...

– Почему вы заподозрили Дину?

– Как я уже сказал, мадам, это подождет. Вот мое предложение. Вы выдали мне два чека на общую сумму шестьдесят тысяч долларов. Я обещал вам вернуть часть средств, если ваш муж возвратится целым и невредимым, поскольку тем самым взятые мной на себя обязательства по его спасению будут частично выполнены – мы ведь напечатали объявление. Разумеется, я не прочь сохранить всю сумму, но тогда мне придется отрабатывать гонорар. Итак, я предлагаю направить мистера Гудвина в Уайт-Плейнс на опознание. Если погибшая – мисс Атли, он ее опознает, сообщит, что видел ее единственный раз, когда она приходила ко мне в связи с вашим конфиденциальным поручением, а разглашать какие-либо подробности он не вправе, ибо я ему запретил. Также я ручаюсь, что никто из нас двоих не проронит ни словечка о похищении вашего мужа до одиннадцати часов пятницы без вашего ведома и согласия. Да, это доставит нам определенные, не исключено, что серьезные неприятности, и выплаченный гонорар послужит здесь компенсацией. В итоге никто никому ничего не будет должен. Таково мое предложение. Еще добавлю, не ради запугивания, а просто чтобы вы знали: в случае вашего отказа я сочту себя свободным от обязательства не разглашать сведений о похищении, которое относится к разряду тяжких преступлений, и буду вынужден незамедлительно проинформировать власти.

– Это угроза. Шантаж.

– Пф! Я лишь соглашаюсь нести немалые риски за скромную плату. Хорошо, я отзываю свое предложение. Свои чеки вы получите сегодня же. На этом наш разговор...

– Нет, подождите! – В трубке помолчали. – Дайте мне поговорить с мужем.

– Как угодно. – Вулф обернулся – и уставился на меня. – Где он?

Я прикрыл ладонью микрофон:

– Удрал. Сразу, как услышал, что Дина могла быть замешана. Входная дверь хлопнула.

– Вот как? – Вулф мотнул головой. – Увы, миссис Вейл, ваш муж ушел. Вероятно, отправился домой. Я пришлю вам чеки...

– Нет! – В трубке снова помолчали, теперь подольше. – Ладно, посылайте Арчи Гудвина. В Уайт-Плейнс, я имею в виду.

– На условиях, которые были озвучены ранее?

– Да. Но я хочу знать, почему вы решили обвинить Дину. Это же полная ерунда!

– С вашей точки зрения – безусловно. Это лишь предположение, возможно поспешное. Я бы предпочел отложить объяснения до лучших времен. Если не возражаете, сейчас мне нужно проинструктировать мистера Гудвина.

Он повесил трубку, и я последовал его примеру. Потом встал, вышел в прихожую, проверил, заперта ли входная дверь, заглянул в гостиную, вернулся в кабинет и сказал Вулфу:

– И вправду удрал. Не то чтобы я ждал от него каких-то фокусов, но он вполне мог нарочно хлопнуть дверью, а сам спрятаться в укромном уголке. Какие будут указания?

– Ты же слышал, что я говорил миссис Вейл.

– Ну да. Худшее, что может случиться, – копы запихнут меня в кутузку, зато гонорар останется при вас. Но наш-то интерес в чем? Мы хотим узнать, что там произошло, когда и где именно?

– Нет. Это нас не интересует.

Я двинулся было к выходу, но у двери остановился:

– Знаете, однажды вам это может аукнуться. Мы оба прекрасно понимаем, что эти сведения важны, что для меня будет полезно изучить улики на месте по горячим следам. Но вы почему-то стесняетесь это признать. Почему? Да потому, что уверены в моей настырности. Мол, я все равно добуду факты и перечислю их вам, когда понадобится. Но не в этот раз. Предупреждаю: если кто-нибудь захочет что-либо мне сообщить, я не стану слушать, скажу, что мне это не интересно.

Я вышел в прихожую, взял пальто, шляпу брать не стал, спустился по семи ступенькам на тротуар, на Десятой авеню свернул за угол, к гаражу, и попросил подогнать наш «херон» 1961 года – владеет им Вулф, а езжу я.

Глава 4

Ровно в час пятнадцать Кларк Хобарт, окружной прокурор Уэстчестера, с прищуром поглядел на меня и произнес:

– Гудвин, вы же стреляный воробей, должны понимать, во что ввязываетесь.

Мы сидели в его кабинете – просторной угловой комнате с четырьмя окнами в здании окружного суда. Он восседал за столом таким образчиком слуги народа: волевой подбородок, пристальный взгляд – и вызывающе большие уши. Мой стул располагался в торце стола. Два других стула перед столом занимали капитан Сондерс из полиции штата и человек, с которым мне уже приходилось иметь дело, – Бен Дайкс, начальник отдела детективов округа. За те два года, что минули с нашей последней встречи, Дайкс слегка раздобрел: складки заметно выросли, появился второй подбородок, а пузо свешивалось над ремнем. Но молва утверждала, что он нисколько не утратил полицейского чутья и упорства.

Я встретил взгляд Хобарта твердо, но без вызова:

– Хотелось бы убедиться, что вы все правильно поняли. Вам ведь наверняка доложили еще до того, как меня сюда привели. Вряд ли, конечно, кто-то сознательно искажает суть, уж точно не Бен Дайкс, но давайте проверим, чтобы не было недоразумений. Я осмотрел тело и опознал в погибшей Дину Атли. Капитан Сондерс спросил, насколько хорошо я был с ней знаком, и я ответил, что мы встречались всего один раз – вчера днем, но в ее личности я совершенно уверен. Дайкс захотел узнать, где мы виделись, и я ответил, что в кабинете Ниро Вулфа. Он спросил, зачем она туда приходила, и я ответил, что по настоянию миссис Джимми Вейл, которую попросил Вулф, желавший задать несколько вопросов в связи с конфиденциальным расследованием, предпринятым по желанию миссис Вейл. Дальше меня спросили, что это за расследование, и я сказал...

– Вы отказались что-либо сообщить.

– Именно так, – кивнул я. – Для моего отказа имеются веские причины. Мистер Вулф дал мне недвусмысленные указания. Если я выясню, где нашли тело, а также как и когда погибшая была убита, то доложу обо всем мистеру Вулфу, и тогда он решит, связано ли каким-то образом это преступление с тем делом, по которому обратилась к нему миссис Вейл. Я как раз выяснял подробности, когда примчался капитан Сондерс, который заявил, что Дину Атли убили и что – черт подери! – прямо здесь и сейчас я выложу ему, что конкретно она сказала мистеру Вулфу и что тот ей отвечал. Ну, я отрезал, что черта с два что-либо выложу! А он стал угрожать: мол, всем известно, что я считаю себя крутым, но он отведет меня в укромное местечко и там до истины докопается. Ваш капитан явно мнит себя пупом земли. Бен Дайкс – обычный коп, а не герой, он настоял на том, чтобы мы отправились к вам. Если вы решите отдать меня капитану Сондерсу, так тому и быть. Я давненько собирался навестить психиатра, узнать, насколько крепкая у меня психика, а с вашим капитаном деньги сэкономлю.

– С радостью о тебе позабочусь, – процедил Сондерс, едва шевеля губами.

Наверное, кто-то однажды втолковал ему, что такая манера подчеркивает мужественность, и с тех пор он ежедневно практиковался перед зеркалом.

– Никто вас никуда не отдает, – возразил Хобарт. – В этом округе именно я отвечаю за соблюдение законности. Но произошло преступление. Дина Атли была убита. Она встречалась с вами незадолго до своей гибели, и, насколько можно судить, вы последним видели ее живой. Поэтому капитан Сондерс имеет все основания расспрашивать о подробностях вашей встречи. Как и я, кстати.

– Он не спрашивал, а требовал, – покачал я головой. – Что касается преступления, когда и где все случилось? Ее машина переехала или?..

– Откуда тебе это известно? – взвился Сондерс.

Я пропустил его вопрос мимо ушей.

– Если сегодня утром ее переехала машина на Мэйн-стрит, а свидетели говорят, что за рулем сидел усатый одноглазый карлик, то сомневаюсь, что мистер Вулф сочтет содержание вчерашней беседы с погибшей сколько-нибудь важным. Я видел тело. По мне, ее либо задавили, либо несколько раз ударили молотком. Хотя, конечно, всякое бывает. – Я махнул рукой. – Черт побери, мистер Хобарт, вы же знаете, что мистер Вулф играет по правилам!

Хобарт кивнул:

– Также я знаю, что он нередко ими злоупотребляет, как и вы сами. Дина Атли погибла не на Мэйн-стрит. На ее тело наткнулись в десять утра двое ребятшек, которые прогуливали школу. Тело нашли в придорожной канаве, и...

– Где именно?

– На Айронмайн-роуд. По легенде, раньше эта дорога вела к руднику, но сейчас она упирается в тупик. Узкая, полуразбитая, обрывается в паре миль от шоссе сто двадцать три. Тело...

– А где эта дорога отходит от шоссе?

Сондерс негромко зарычал, по-прежнему не разжимая губ, но снова был проигнорирован.

– Приблизительно в двух милях от развилки шоссе сто двадцать три и тридцать пять, – ответил Хобарт. – К югу от Риджфилда, недалеко от границы штата. Тело скатилось в канаву уже после смерти. Машину, которая сбила мисс Атли, нашли поблизости, в ста ярдах дальше по дороге, на опушке. Документы были в машине – на имя Дины Атли, дом девятьсот девяносто четыре по Пятой авеню, Нью-Йорк. Еще в машине отыскалась ее сумочка с типичным для женщин содержимым; на некоторых вещах тоже значилось ее имя. Было установлено, что она погибла в результате аварии. Достаточно?

– Когда она умерла?

– О, простите. В промежутке с девяти вечера до трех часов утра.

– А следы другой машины обнаружили?

– Да. Минимум один, возможно, два следа на траве. Сама дорога щебенчатая, трава подступает вплотную.

– Кто-нибудь видел Дину Атли, ее машину или вторую вчера вечером?

– Увы! Ближайший жилой дом находится в полумиле к востоку, у шоссе сто двадцать три, а по этому участку дороги вообще ездят редко.

– Какие-то зацепки у вас появились?

– Да – в вашем лице. Когда женщину убивают через несколько часов после встречи с частным детективом, разумно допустить, что эти два события связаны и слова, сказанные ею детективу, чрезвычайно важны. Вы присутствовали при ее беседе с Вулфом?

– Ага. А еще разумно допустить, что это детективу решать, связаны между собой два события или нет. Как я сказал, мисс Атли пришла к мистеру Вулфу не по своей воле. Ей велела прийти миссис Вейл, и мисс Атли должна была поделиться сведениями по делу, касающемуся миссис Вейл. – Я встал. – Ладно, все, что вы рассказали, я смогу прочитать в газетах через пару часов. Доложу мистеру Вулфу, а вам потом отзвонюсь.

– Экий торопыга! – Сондерс тоже вскочил. – Мистер Хобарт, вам известно, как важно время в подобных делах! Вы же понимаете, что, дай мы ему уйти, через двадцать минут он окажется вне нашей юрисдикции. А ведь он совершенно точно располагает сведениями, которые могут нам пригодиться!

Я ухмыльнулся ему в лицо:

– Капитан, как насчет отжаться двадцать раз подряд? Я могу, если что.

Бен Дайкс сказал Хобарту:

– Я бы хотел кое-что уточнить. – Хобарт утвердительно кивнул, и Дайкс повернулся ко мне. – Во вчерашней «Газетт» было объявление, адресованное мистеру Нэппу и подписанное Ниро Вулфом. Это как-то связано с тем, что миссис Вейл велела Дине Атли побывать у Вулфа?

Похоже, слухи по поводу чутя Дайкса вполне соответствовали действительности. Усмешка, которой я одарил его, сильно отличалась от ухмылки в сторону Сондерса.

– Простите, у меня четкий приказ человека, на которого я работаю. – Я развернулся к окружному прокурору. – Мистер Хобарт, вы же знаете, как все обстоит. У вас нет оснований задерживать меня даже для допроса вроде этого. Раз я отказываюсь отвечать, а мистер Вулф не станет общаться по телефону и никому из домашних не позволит, пока не получит мой отчет, то, полагаю, нам придется разочаровать капитана Сондерса. Но убийство ваше, разумеется, и решать вам.

Хобарт откинул голову и нахмурился:

– Вы наверняка осведомлены о наказании за препятствование расследованию. – Когда я вежливо подтвердил, он вдруг стиснул кулаки, выскочил из-за стола и завопил: – Выметайтесь отсюда, живо!

Я подчинился. Бен Дайкс, когда я проходил мимо, чуть мотнул головой. От капитана Сондерса я прошел так близко, что он вполне мог сделать мне подножку, но почему-то не стал.

На улице я сверился с часами: 13:35. Я миновал три квартала до известного мне заведения, кафе «У Мэри Джейн», где подавали точно такие же пирожки с курицей, какие моя тетушка Анна пекла в Чилликоти, штат Огайо, маленькие, пухлые и обалденно вкусные. Я уплетал пирожки и размышлял. Не имело смысла тратить деньги на звонок Вулфу, ведь новости напрямую не касаются его, а что до нашей клиентки, тут спешить некуда. Ей позвоню, когда отчитаюсь перед Вулфом. Ладно, раз уж я проехал почти полпути до места – ну, пусть будет треть, – почему бы не взглянуть на эту Айронмайн-роуд? И на старый рудник, если, конечно, получится его отыскать? Замысли я похищение и подбирай место, чтобы спрятать человека, за которого требуешь полмиллиона долларов, ничего лучше заброшенного рудника попросту не придумать. Я расплатился за пирожки и кусок пирога с ревенем, дошел до стоянки, где бросил свой «херон», заплатил за парковку и покатил в направлении Хоторн-серкл. Там я свернул на Сомилл-Ривер-парквей, а в Катоне выехал на шоссе 35 и двинулся на восток. Денек выдался солнечный, и я сполна наслаждался начинающими цвести деревьями и форзицией, а еще коровами на пастбищах. Шикарное зрелище, когда твердо знаешь, что машина вернет тебя в город. Не доезжая до Коннектикута, я свернул направо на шоссе 123 и взглянул на спидометр. Проехав мили полторы, я начал высматривать поворот на Айронмайн-роуд и через две десятых мили его обнаружил. Милиа по этой так называемой дороге заставила засомневаться, что «херон» сможет отсюда выбраться. Навстречу попало всего пять машин, и, чтобы разъехаться, в одном случае пришлось залезать на склон, а в другом – и вовсе сдавать назад на полсотни ярдов. Найти и опознать место преступления, впрочем, труда не составило. Вдоль дороги выстроились восемь автомобилей, полностью блокируя проезд, причем ни один не был служебным. Примерно десять женщин и трое или четверо мужчин толпились на обочине, у края канавы, а двое мужчин на другой стороне дороги жарко спорили насчет того, кто кому поцарапал изгородь. Останавливаться я не стал. К северу виднелся густой лес, а к югу вздымался скалистый утес с болотом у подножия. Разумеется, я смутно представлял себе, как должен выглядеть заброшенный рудник, но ничего такого в окрестностях не наблюдалось. Поэтому я осторожно сдал назад и пятился до тех пор, пока не нашлось место для разворота. До шоссе 123 мне встретились всего три машины.

Из двух решений, принятых мной по дороге обратно в город, одно было вполне сознательным, чем можно гордиться. Я решил скоротать время прогулкой, проверить, как тут обстоят дела с весенними сельскими хлопотами; это казалось разумным – до дома я доберусь не раньше четырех, следовательно, Вулф, по своему обыкновению, отправится в оранжерею, а он ненави-

дит, когда ему там мешают, в особенности досаждают пустой болтовней. Это решение я принял до того, как доехал до шоссе 35.

Когда пришло на ум второе, сказать не могу. Я догадался о нем в среднем ряду автостреды, выжимая шестьдесят пять миль в час. По дороге из Уэстчестера в Нью-Йорк, если направляешься в сторону Вест-Сайда, Сомилл видна постоянно; если же цель – Ист-Сайд, то сворачиваешь в Ардсли и выезжаешь на автостраду. Поскольку я уже был на автостраде, то катил явно в Ист-Сайд. Куда именно? На то, чтобы сообразить, ушло не меньше двух секунд. Разрази меня гром, подумалось мне, я же еду к дому нашей клиентки, желая сообщить, что опознал тело. Ладно, зато четвертак на телефон тратить не придется. А если ее муженек дома и начнет приставать с вопросами, отвечу с глазу на глаз, это всегда предпочтительнее. В общем, я поехал дальше – Мэйджор-Диган-экспрессвей, Ист-Ривер-драйв, съезд на Девяносто шестую улицу...

Было десять минут пятого, когда, втиснув «херон» между припаркованными машинами на Восемьдесят первой улице, я вошел в подъезд четырехэтажного каменного дома номер 994 по Пятой авеню и нажал на кнопку. Мне открыла женщина в униформе – лицо квадратное, на щеке пятно. Думаю, тот Теддер, который построил этот дом, отец Харольда Ф., и в бреду не мог вообразить, что дверь станет открывать женщина. Хорошо, что он до такого не дожил. Эта женщина застала меня врасплох, сама того не подозревая. Когда я назвался и сказал, что хочу видеть миссис Вейл, она ответила, что миссис Вейл меня ожидает, и посторонилась, пропуская внутрь. Наверное, не стоило удивляться тому, насколько хорошо Вулф меня изучил (а я – его, естественно), но я все равно удивился. А все объяснялось просто: миссис Вейл позвонила узнать, опознал ли я тело, и Вулф сообщил ей, что я наверняка заеду на обратном пути из Уайт-Плейнса, хотя мы с ним ни о чем таком не договаривались. Лишнее доказательство того, как хорошо, по его мнению, он меня знает. Напомню, я и сам не предполагал, что заеду к Вейлам, пока не очутился на автостраде.

Служанка приняла мое пальто, и тут сверху прозвучал высокий мужской голос:

– Кто там, Эльга?

– Мистер Гудвин, мистер Теддер, – отозвалась Эльга.

– Заходите, мистер Гудвин, – пригласил тот же голос.

Я поднялся по изогнутой мраморной лестнице, широкой и белой, на верху которой меня поджидал Ноэль Теддер. Я уже говорил, что видел его раньше, но до этого дня ни разу не разговаривал. По слухам, этот двадцатитрехлетний шалопай пытался учиться в трех колледжах, но ни в одном не задержался; мать настояла на том, чтобы он бросил скалолазание после падения со скалы; однажды он посадил вертолет на вторую базу стадиона «Янки-стэдиум», когда шел пятый иннинг. Спроси кто меня, я бы сказал, что он широкоплечий верзила ростом шесть футов, которому плевать на то, как люди одеваются для выхода в театр или во «Фламинго» и который после двух порций спиртного начинает говорить слишком громко. А его высокий и тонкий голос – одна из тех ошибок природы, которые иногда случаются в нашем мире.

Через просторный холл он проводил меня до открытой двери и жестом пригласил войти. Я пересек порог и замер. Мне показалось, будто я угодил на вечеринку, но в следующее мгновение стало ясно, что в помещении живых всего пять человек, а остальные – статуи, бронзовые или каменные. Сразу вспомнилась увиденная много лет назад в газете фотография библиотеки Харольда Ф. Теддера. Меня привели как раз туда. Большая, с высоким потолком комната выглядела тесноватой благодаря доброму десятку статуй в человеческий рост. Если Ноэлю нравились многолюдные компании, тут у него точно хватало приятелей.

– Сюда, мистер Гудвин, – послышался голос миссис Вейл.

Я послушался. Пятеро живых собрались более или менее тесной кучкой в дальнем конце библиотеки, у незажженного камина.

– Что скажете? – спросила миссис Вейл, когда я приблизился.

– Это Дина Атли.

– Что? Но как?..

Я огляделся:

– Надеюсь, не помешал?

– Ничуть, – откликнулся Джимми Вейл, стоявший спиной к камину. – Здесь все уже знают. Знакомьтесь. Это дочь моей жены Марго Теддер. Брат Алтеи Ральф Перселл и ее адвокат Эндрю Фрост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.